

Научная статья

УДК 008

doi: 10.17223/1998863X/66/27

ДОСТОЙНА ЛИ НАУКА ГУМАНИСТИЧЕСКОГО ПРОЕКТА? ОТВЕТ МОИМ ОППОНЕНТАМ

Илья Теодорович Касавин

Институт философии РАН, Москва, Россия, itkasavin@gmail.com

Аннотация. Анализируются, оцениваются и комментируются идеи и аргументы за и против концепции науки как гуманистического проекта, предлагаемой в одноименной монографии. Ряд авторов поддерживают такие идеи книги, как определяющая роль неформальной коммуникации в науке, метафизические истоки научной солидарности и этоса, встроенность миграционного архетипа в научное призвание, перспективы науки как политического субъекта, неклассическое понимание гуманизма. Эксплицируются и суммируются высказанные авторами определенные возражения, согласно которым в книге изложена нормативно-утопическая концепция науки, преувеличивающая влияние метафизики на научную деятельность, идеализирующая солидарность научного сообщества и моральные качества ученых. В ответе оппонентам разъясняются идеи книги, формулируются дополнительные аргументы в пользу их состоятельности, а также приводятся контраргументы против ряда критических замечаний.

Ключевые слова: наука, дар, миграция, гуманизм, миф, архетип

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 19-18-00494 «Миссия ученого в современном мире (продление)».

Для цитирования: Касавин И.Т. Достоянна ли наука гуманистического проекта? Ответ моим оппонентам // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 282–287. doi: 10.17223/1998863X/66/27

Original article

IS SCIENCE WORTH OF A HUMANIST PROJECT? A REPLY TO MY OPPONENTS

Ilya T. Kasavin

*Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,
itkasavin@gmail.com*

Abstract. The article analyzes, evaluates and comments on the ideas and arguments for and against the concept of science as a humanistic project proposed in the monograph with the same name. A number of authors support such ideas of the book as the defining role of informal communication in science, metaphysical origins of scientific solidarity and ethos, the embedding of the migration archetype in the scientific vocation, the prospects of science as a social agent, and the non-classical understanding of humanism. The article explicates and summarizes certain objections proposed by the opponents, according to which the book sets out a normative-utopian concept of science, exaggerating the influence of metaphysics on scientific activity, idealizing the solidarity of the scientific community and the moral qualities of scientists. The response to opponents explains the ideas of the book, formulates additional arguments in favor of their consistency, and also provides counter-arguments against a number of critical remarks.

Keywords: science; gift; migration; humanism; myth; archetype

Acknowledgments: The research was carried out within the project supported by Russian Science Foundation, No. 19-18-00494: The Mission of the Scientist in the Modern World; Science as Profession and Vocation.

For citation: Kasavin, I.T. (2022) Is science worth of a humanist project? A reply to my opponents. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 66. pp. 282–287. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/66/27

Выражаю признательность коллегам, проявившим интерес к моей книге «Наука – гуманистический проект» (М. : Весь мир, 2020) и высказавших критические замечания. Вечная мечта автора, чтобы его труды читали внимательно, конечно, не может быть сколько-нибудь полно реализована. Поэтому я не буду предъявлять претензии к тем коллегам, которые не мечтают в унисон и читают, как им сподручнее. Буду с благодарностью отвечать по существу дела, пользуясь этой возможностью для уточнения и прояснения своей позиции.

В статье Е.В. Масланова и Т.Д. Соколовой «Миф науки и техногенная цивилизация» я усматриваю не только поддержку, но и заинтересованное развитие идеи науки как гуманистического проекта. Миф, критика, коммуникация и миграция, действительно, принадлежат к тем фундаментальным понятиям, которые позволяют представить человеческое лицо науки. Примечательно, что наука, осуществляя социальную сегрегацию знающих и незнающих, проблематизируя когнитивную демократию и упрочивая интеллектуальную меритократию, выполняет и прямо противоположную функцию. Солидарность, будучи главным условием существования научного сообщества, имеет свойство экстернализации, выхода за свои пределы и захватывания широкого публичного пространства. В этом мире сплочению людей служат не только стадионы и концертные залы, но и «Общество знания», Политехнический музей, журналы «Природа», «Наука и жизнь», «Техника молодежи», романы Жюль Верна, Александра Беляева, Ивана Ефремова. Международное научное сообщество не раз демонстрировало свою силу в ограничении и запрете оружия массового уничтожения, в борьбе за экологический баланс, за демократические нормы и права человека. Научная культура, научное образование обеспечивают условия межкультурной и международной коммуникации не меньше авиасообщения, телефона и интернета, которые, в свою очередь, невозможны без науки и техники. Наконец, знание – это особый предмет, которым можно поделиться без отчуждения от себя. Более того, именно передача знания другому увеличивает сферу его признания и, как следствие, его ценности. Дар знания, приносимый ученым в общество, многократно превышает затраты на его производство. Это не в последнюю очередь и образует гуманистический смысл науки.

Расширение политического влияния науки реализует ее статус как гуманистического проекта в современном мире, утверждает Л.А. Тухватулина в своей статье «Политический запрос и социальные науки: два аспекта взаимовлияния». Эта статья предоставляет дополнительные аргументы для тезиса о том, что наука способна быть политическим субъектом. И дело здесь не только и не столько в том, чтобы научное сообщество отождествить с поли-

тической партией особого рода. Это также и не призыв к расширению практики научного активизма. Скорее, здесь идет речь о том, что научный дискурс существенно влияет на социально-политическую повестку. Именно наука берет на себя главную ответственность за решение биомедицинских проблем (гендерной идентичности, эпидемиологии, лечения тяжелых болезней), экологических проблем (изменения климата, загрязнения окружающей среды), хотя фактически и уступает сегодня государственным структурам всю проблематику национальной безопасности и международных отношений. Одновременно политическая рациональность, копирующая научно-технологический дискурс, начинает предъявлять свои требования к социальным наукам. От последних требуется создание социальных технологий, эффективно решающих насущные проблемы, и убедительное научное сопровождение принимаемых политических решений. Л.А. Тухватулина показывает, каким образом особые методологические тренды в социальных науках (междисциплинарность, натурализация) обнаруживают влияние политической повестки на научное знание, вынуждая его отвечать на поставленные вызовы. Соглашаясь в целом с взаимовлиянием политики и науки, я хотел бы подчеркнуть, что научное сообщество может быть особым политическим субъектом лишь тогда, когда свою деятельность сопровождает отстаиванием собственного политического интереса. Вопрос о природе этого интереса – ключевой. До середины XX в. доминировала точка зрения, согласно которой наука культивирует свой особый эпистемический статус, дающий ей когнитивное преимущество перед иными типами знания и, следовательно, социальное превосходство. Полагаю, что сегодня иная точка зрения завоевывает авторитет: преимущества науки связаны с особым типом коммуникации и морального сознания, присущих научному сообществу. Именно это делает науку институтом, в наибольшей степени заслуживающим общественного доверия и, как следствие, власти над умами.

Противоречие утилитарно-прикладного и техникстского видения науки, с одной стороны, и ее спекулятивно-метафизического, «кастальского» образа – с другой, находится, если я верно понял, в центре внимания О.Е. Столяровой в ее статье «Миф науки – границы архетипов». Разрешение данного противоречия есть ключ к возможности науки с человеческим лицом. В значительной мере ресурсы для этого нам предоставляет история философии и науки, понятые с позиции исторической эпистемологии и онтологии. Взгляд на интеллектуальную историю как веер исторических событий, порождающих что-то вроде «Сада расходящихся тропок» Х.Л. Борхеса, обнаруживает в основании науки с самого ее зарождения ряд неустранимых метафизических допущений. Парменид, Платон, Аристотель – первые авторы научной метафизики. Среди ее положений отметим особый эпистемический статус и социальную миссию научно-философского знания; отнесенность такого знания к особому «высшему» миру; дуализм мира земного (чувственного, изменчивого и иллюзорного) и мира небесного (мыслимого, неизменного, подлинного); высокий социальный и моральный статус ученого-философа; необходимость пропаганды научно-философского знания в образовании и публичном пространстве. Примечательно, что эпистемические и онтологические разрывы, провозглашаемые данной метафизикой, одновременно разрешаются благодаря диалектическим отношениям между эпистеме, с одной стороны, и докса,

пистис, эмпейриа, техне и фронеzis – с другой. Знание истины самоценно, но вместе с тем является условием технического искусства, морального характера и социальной компетентности, в которых являет себя наиболее явно. Научная метафизика, или миф науки, сопровождали науку на всем ее пути, обеспечивая ей идеологическую и интерпретативную поддержку. Идеи научной профессии и призвания были сформулированы М. Вебером в рамках этого мифа. Расколдовав науку как профессию, Вебер воздержался от полного обмирщения призвания. Именно призвание является источником необъяснимой тяги ученого к когнитивной новизне, этой особой страсти, которая не имеет аналогов в других типах культуры. Научное призвание – это эпистемическое проявление миграционного архетипа, требующего от ученого отважных путешествий и захватывающих приключений в поисках «Америки знания». Лишаемая собственного мифа, сведенная к стандартизированной профессиональной рутине, наука теряет отличие от иных видов деятельности и стагнирует.

И в заключение прокомментирую наиболее критическую реплику, прозвучавшую в статье А.Ю. Антоновского «О дегуманизирующей миссии науки». Отчасти на нее ответили авторы уже вышеупомянутых статей. Автор ищет противовес моей концепции в системно-коммуникативной теории, затрагивая три тезиса книги: понимание науки как коммуникации, науки как этического проекта и науки как политического субъекта. А.Ю. Антоновский предписывает «нормативность» и «дефинитивную гуманность» моему видению науки, возражая, что наука демонстрирует дегуманизированную и отчужденную коммуникацию. В свою очередь, выдающиеся ученые не только не являются, по его мнению, моральными героями, но в массе даже проявляют аморальные качества. Наконец, наука не доросла до статуса политического субъекта, и подобные перспективы не просматриваются вообще.

Начну с системно-коммуникативной теории, служащей А.Ю. Антоновскому «теоретическими очками». К сожалению, они оказываются не слишком прозрачны. Ведь именно для Н. Лумана коммуникация нормативно-формальна, безлична, противостоит субъекту, сводима к машинно-информационному взаимодействию. Далеко не всем социологами, понявшим значение человека, по душе такая теория.

Я же, оставаясь в целом равнодушным к идеям Н. Лумана, как раз не стремлюсь выстроить нормативную теорию науки. В большей мере я исхожу из фактического описания положения дел в науке, которое дают историки и социологи, и формулирую тезис о миссии науки, гуманистической в достаточно своеобразном смысле. Эта миссия как раз не вписывается в традиционные гуманистические ожидания. Наука не дает успокоения и не внушает благолепия, напротив, лишает когнитивной невинности, т.е. заставляет все время обнаруживать неполноту знания и пересматривать устоявшиеся представления. Более того, наука оказывается социально опасной, поскольку практикует критическое мышление, не ограниченное каким-либо избранным объектом и способное обратиться к анализу и оценке всей окружающей действительности, включая и общество, и самого человека.

Что же касается мнимой «бесчеловечности» науки, то это – не более чем запоздалое воспоминание Александра Юрьевича об искаженном образе классической науки. Сегодня (как и во все века) наука признается в нагруженно-

сти метафизическими идеями, художественными образами, моральными нормами и ценностями, включает в свою систему так или иначе понятого «наблюдателя».

Далее эффект отчуждения, о котором говорит А.Ю. Антоновский, характеризует, в определенной мере, социальный институт науки (как и все иные институты), но не относится к неформальной коммуникации, о которой я веду речь в первую очередь. В неформальном общении скрыты, на мой взгляд, и загадка научного творчества, и тайна научной солидарности, и архаические истоки научного этоса. А.Ю. Антоновский приводит примеры нарушения норм научного этоса известными учеными, что призвано опровергнуть тезис о науке как этическом проекте. У меня нет сомнений в достоверности данных примеров, однако они не опровергают мою концепцию. Статус этического проекта не тождествен положительному моральному образцу. Скорее, наука как этический проект – это поле проблематизации и реализации амбивалентного научного этоса, столкновение добродетелей и грехов, побуждающее ученого к моральному выбору. Наука опирается на моральный авторитет своих героев, но она же первая разоблачает их аморальные поступки. В этом смысле она на опыте «выковывает» свою мораль, а не априорно принимает ее данной со стороны общества, религии или философии.

Вопрос о науке как политическом субъекте сводится А.Ю. Антоновским к возможности универсального научного интереса. Поскольку наука якобы чрезвычайно раздроблена и разделена частными интересами, то ничего универсального в ней найти не удастся. Полагаю, что это элементарное заблуждение. Наука как деятельность – это, прежде всего, исследование некоторого сегмента реальности и производство знания о нем в форме эмпирических данных, теорий, инструментов и артефактов. В том, чтобы такое понимание науки ставить во главу угла и подчинять ему все остальную деятельность, и состоит, на мой взгляд, универсальный научный интерес. Данный интерес определяет общенаучную повестку не только на 10–15 лет, но и на отдаленную перспективу. Защита этого интереса и есть главная политическая задача науки. Ее решение сохраняет науку и обеспечивает ее воспроизводство как особого сообщества и института – вперёдсмотрящего, «передового наблюдателя», по выражению А.Ю. Антоновского, т.е. проектировщика и локомотива общественного развития.

Далее Александр Юрьевич полагает, что научное сообщество почти не участвует в определении научно-политической повестки на какую-то перспективу, поскольку это делают, почти не учитывая мнения ученых, государственные предписания в форме каких-нибудь «Основных направлений науки и технологий». Позволю себе напомнить, что наука участвует в определении актуальной повестки научных исследований не созданием бюрократических документов, а тем, что ставит проблемы, решает задачи и получает научные результаты. Именно это, а не чиновничьи решения, определяют реальную перспективу развития науки. Если эта перспектива игнорируется государством и бизнесом, то наступает экономическая и культурная стагнация. Если государство и бизнес держат руку на пульсе науки, то возможен общественный прогресс. Развитые страны демонстрируют устойчивую корреляцию между интенсивной поддержкой науки, вменением ей насущных задач и успешным общественным развитием. Ученые, в свою очередь, проявляют

активную социальную позицию по всем актуальным вопросам, на деле реализуя способность науки быть политическим субъектом.

Полемика с А.Ю. Антоновским подытоживает мои рассуждения и позволяет мне укрепиться в мысли о том, что наука достойна гуманистического проекта, а краеугольным камнем современного гуманизма является наука.

Сведения об авторе:

Касавин И.Т. – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, руководитель сектора социальной эпистемологии Института философии РАН (Москва, Россия). E-mail: itkasavin@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kasavin I.T. – Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: itkasavin@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.01.2022;
одобрена после рецензирования 20.02.2022; принята к публикации 04.05.2022*

*The article was submitted 20.01.2022;
approved after reviewing 20.02.2022; accepted for publication 04.05.2022*